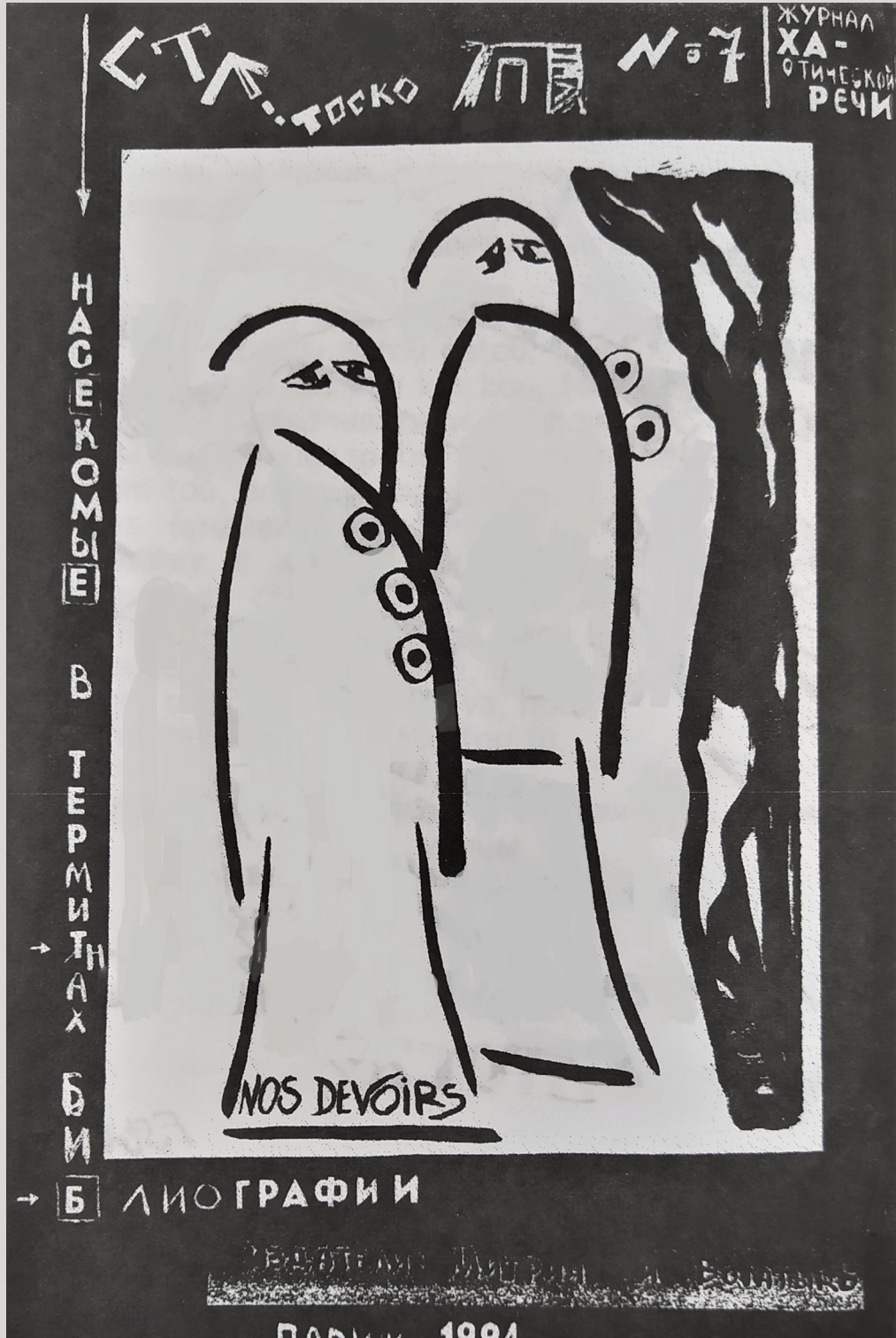

Стетоскоп № 7 (1994):
«журнал хаотической речи / насекомые в терминах библиографии»

Авторы: Тибор Честны – поэт-эксцентрик (Ужгород); Роберт Мухин – писатель (Спб); Богатырь – поэт (Париж); Митрич – художник (Париж); В. Никитин – художник-шрифтовик (Владивосток).

СОДЕРЖАНИЕ:

В. Завьялов-мл. Рецензия на книгу Т. Честны «Памятники народного бортничества».....	5
Роберт Мухин. Обвинение в плоской смерти (импровизация на темы Ницше и Белого)..	13
Богатырь. Признаки (метафорическая проза редактора).....	17
Митрич. Визуальная поэзия.....	24
В. Никитин. Маленькие рассказы.....	26
Богатырь. Я ничего не обещаю (стихи).....	30

«Стетоскоп» № 1 (1993) позиционирован как Маленький журнал за рубежом русской речи. В течение двух лет (1993-95) Михаил Богатырёв выпустил одиннадцать книг «Стетоскопа», размещая в них свои собственные произведения под разными именами (за исключением графических работ, подписанных "Митрич"). В оформлении текстов принимала участие Ольга Платонова.

Безумие, согласно концепции раннего «Стетоскопа», провозглашалось основным компонентом русской духовности и культуры – не только медийной, но и корневой. Соответственно, сами создатели журнала воспринимали его как «рупор поэтики диссоциативных расстройств», культивируя различные формы делириозных изъяснений (преимущественно в рукописной подаче – т. наз. "спонтанная каллиграфия") и бреда ("афазическая поэзия"). Некоторые из материалов были выполнены в виде рецензий на книги вымышленных авторов, при этом упор делался на намеренное неразличение экспрессивного и аналитического моментов (т. е., собственно, поэтики и критики).

Во второй половине 1990-х годов (начиная с 12-го выпуска) идеология «маленького журнала уничтожения речи» существенно изменилась, к списку из двадцати воображаемых авторов добавились более двухсот реальных имен – поэтов, художников, критиков и философов, среди которых — Ж. Бодрийяр, Т. Горичева, П. Рак, А. Хвостенко, А. Путов, В. Самарин, В. Иванів, Ю. Титов, К. Чалаев, И. Карпинская, А. Лебедев, А. Козлов, С. Бирюков, И. Лоцилов, Е. Симонова, Ю. Гуголев, В. Амурский, А. Мирзаев, А. Батусов, А. Зайцев и многие другие. С 12-го по 41-ый номер редакционную работу над «Стетоскопом» координировала Ольга Платонова (Митрич), а сетевую версию редактировал петербуржец А. Елеуков (вплоть до 2014 года). Неоценимую помощь раннему «Стетоскопу» оказала М. В. Розанова, безвозмездно предоставившая в распоряжение редакторов-энтузиастов резак и прессы издательства «Синтаксис», а нью-йоркский поэт и теоретик авангарда А. Очеретянский вдохновлял их личным примером. Под эгидой «Стетоскопа» регулярно устраивались концерты, литературные и философские чтения.

Перед вами номер журнала "Стетоскоп", заключающий в себе две параллельные тематические пульсации: БИБЛИОГРАФИЯ + НАСЕКОМЫЕ. Дело в том, что недавно мы /т.е. РЕдакция/ получили ЧЕТЫРЕ РЕцензии ЧЕТЫРЕХ разных авторов, аллегорически описывающие труднодоступные /а то и вовсе несуществующие книги/. Так или иначе, все эти рецензии восходили к кафкианской новелле "Превращение" и рознились – в той или иной степени – лишь условностью обозначения с насекомыми /которые обозначают здесь не самое себя, а способ отношения к тексту/.

Так, например, текст В.Никитина, иронически названный "Маленькие рассказы", разбит на три неравноценные по форме и содержанию части: а. нето содержанию части: а. нечто вроде рекламы "Маленьких рассказов" б. "Флагман" - вещь из серии запредельных библиографических эмоций и в. ЖЗЛ, или жуки - - здесь название говорит само за себя.

В творении же последователя Андрея Белого и Нитше, начинающего литератора Роберта Мухина /повествование в духе Алоизиуса Бертрана/ доля библиографического кажется "смутной", невеликой, но... когда понимаешь, что предметом всех переживаний и изысканий автора является его собственная фамилия - - начинаешь невольно испытывать к нему уважение /причем уважение особенного, архивного толка/.

Далее следует размышление о тексте книги Тибора Честны "Пчёлы и т.д...."

Думается, что эта книга вряд ли известна нашим читателям, равно как и "Вестник параллельного мира" под редакцией

А.И.Кренкеля /рецензия Богатыря/. Последняя рецензия, пожалуй, несколько выбивается из сдвоенного тематического ряда: с библиографической частью здесь всё в порядке, а вот гомункулусов /или человекообразных устриц - семейство Кренкелей/ можно назвать **ЖУКАМИ** лишь с очень большой натяжкой.

...Итак, в добрый путь, читатель!
Книги - в жуках, и жуки - в книгах...

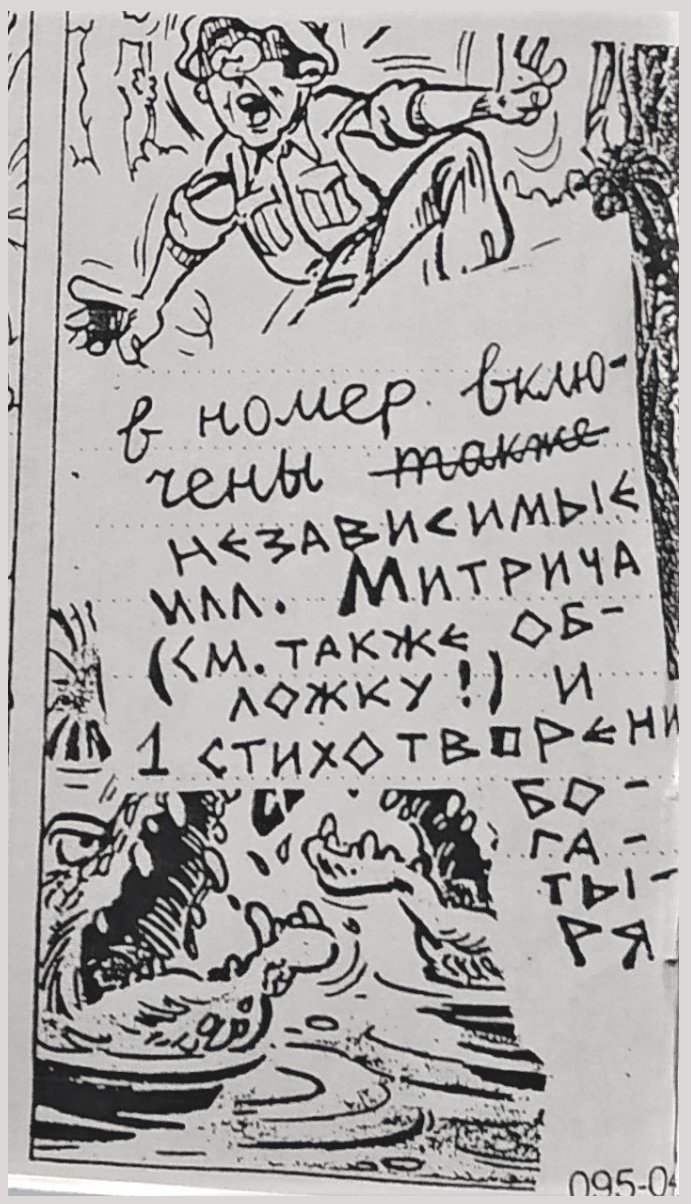
СОДЕРЖАНИЕ

Тибор Честны.
Рецензия на книгу Т. Чест
"ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО
БОРТНИЧЕСТВА"
под. ред. В. Завьялова-млад
шего

Роберт Мухин
Обвинение в плоской смерти
фантазм-рецензия на главу
из книги Ф. Нитше "
"ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА"

Богатырь.
П р и з н а к и
попытка осмысления взаим
отношений с редакцией ж
нала "Вестник параллельн
го мира"

В. Никитин
Маленькие рассказы

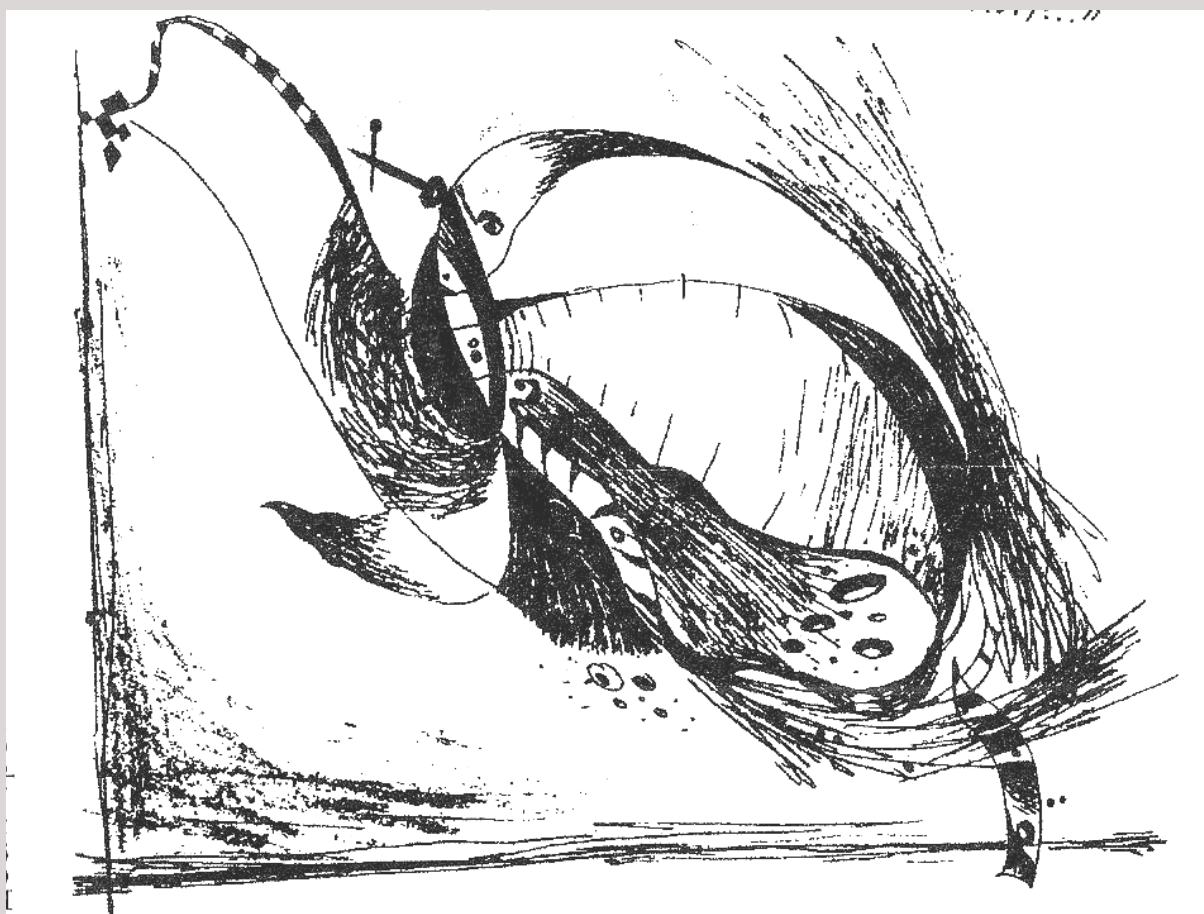
**Рецензия В. Завьялова-младшего на книгу Тибора Честны
«Памятники народного бортничества»
Богатырь (текст, рисунки) + Митрич (рисунки)**

Душа, изболевшаяся в современности, крест избранничества Тибора Честны, странный символ, изваянный из прополиса... Всё, что вошло в эту книгу, воспринимается как документ изнурительного погружения в бездны безумия.

В первом разделе «Памятников...» Тибор Честны выражает недоверие к предмету своего исследования. «Я начисто лишен даже самого отдалённого представления о так называемых лесных фармацевтах, – заявляет автор. – Формы цветов я бы квалифицировал как архивы неискреннего своего раздражения». Затем авторская речь расщепляется, и создается видимость полемики с воображаемой аудиторией. Стиль высказываний при этом не претерпевает никаких изменений: аудитория изъясняется в точности так же бесшабашно-метафористически, как и сам автор. Вот как это выглядит в тексте:

«Собирательный образ! – воскликнете вы. – Перепалка чужих впечатлений о чем-то цветном и зеленом! Экспорт зудящих теней из дупла, затененного дымом!»

«...Но моё отношение к данному промыслу сугубо нейтрально, – говорит Тибор Честны. – Ведь я же не бортник!»

*

Обратимся ко второму разделу «Памятников народного бортничества». «Солдат в сказке Андерсена прельстился старухой, – сообщает автор. – Он слазил в дупло и достал огниво. Это – развёртка обратного направления времени. О пчёлах сказано как о собаках. Солдат получает могущество и... обманывает старуху. "Тут есть чему поучиться!" – восклицает читатель, этот новообращённый Петроний. Что же касается огнива, то оно не ассоциируется ни с огнём, ни с дымом – как же тогда наш солдат выкуривал пчёл? Тема бортничества здесь совсем не раскрыта...»

На этом месте Тибор Честны как бы сбивается с мысли. Он просит читателя: «Постарайся отвлечься от вышеизложенного, мой юный друг! Выбрось всё это из головы!»

«Дед Тарас отравил свою бабу», – так озаглавлена автором вторая попытка вступления к книге «Памятники народного бортничества». «А потом вышел на улицу и задрал медведя». Это уже текст (см. пояснительную таблицу выше).

Панцирь моей головы обнимает душу этого памятника.

Мы позавтракали с Тибором Честны у меня на веранде. «Завтра, — воскликнул этот солдат беспричинности, — я, пожалуй, смогу продумать основную тему вступления.» «Завтра», — с надеждой шепнул я.

– Сглазил солдат огниво, — объяснил автор, отмахиваясь от назойливых махаонов, качавшихся у него на усах. Дупло рта наполнилось дымом, и Тибор Честны прилёг вздремнуть на каминных часах.

– Прополис, — заулыбался во сне Ваш покорный слуга. Но тут полопались почки на ветках, и меня словно ветром сдуло.

– Дума́й о пчёлах и не моги́ о собаках!» – сказалось само по себе между двух "апчи!".

«Мёду захотел, что ли?» А это уже текст. Тибор Честны закрылся у меня в кабинете со стопкою чистых листов, на каждом из которых было отпечатано заглавие: «Дед Тарас отравил свою бабу».

«...А потом вышел на улицу Профсо-Юзов позвать медсестру. Медсанчасть находилась в пяти минутах ходьбы: угол Гоголя и Профессора Союзова. Дед Тарас швырял собакам отравленные катыши, а губы его кривились в нехорошей улыбке. Через час Тараса доставили в отделение правопорядка. Баба уже была на месте. Умело отхаживали её сыновья лесника: вся в меду баба. "Матка боска!" – подумал Тарас и достал свёрток из запасного кисета».

*

«Что-то не то я делаю», – поёжился Тибор Честны, автор книги «Крылатые фармацевты». И каблук его, ёрзая возле ножки плетёного кресла, приплюснул ползущего шершня. «Тертень-то сонный, ведь дело к осени!» А ты, читатель, соображать должен, откуда берутся все эти завитки, и из чьих уст производятся эти речи!

Иллюстрация Митрича из альбома «Робото-плазма и силлогизм»

– Нет-нет, мой добрый читатель, эдак мы с тобой каши не сварим. Надевай-ка ты свою тирольскую шляпу, и пойдём поохотимся в густолиственный лес. Что лежит на земле, а? Прааавильно, земляные орехи. Вот их-то я и собирал в раннем детстве, а сколько перетаскал домой, уж и не помню: уйму. Отсель до бортничества один шаг. Понимаешь? Ну, а формы цветов я бы квалифицировал как нечто забытое.

*

«Креста на тебе нет!» – заорал солдат, претерпевая сложную эволюцию в недрах дупла. Однако, так плотно застрял, что снаружи его не слышно: застрял как пробка.

«Дед Тарас отравил свою бабу и пошёл за острогой – медведя бить захотел» – говорили умники на селе.

– Мёду захотел, что ли? – дразнился милиционер (с виду евнух), сопровождая Тараса туда и обратно – в наручниках.

«Жахну его напоследок, а после и на отсидку можно, – размышлял Тарас. – Отсиджу – хорошцо, а если химию дадут – ещё лучше. Бабу только зря травил: живучая оказалась баба».

– Ну что, сынок, вернёшь мне огниво? – спрашивала тем временем старуха, приложившись ухом к коре.

– Какой там! – не соглашался солдат.

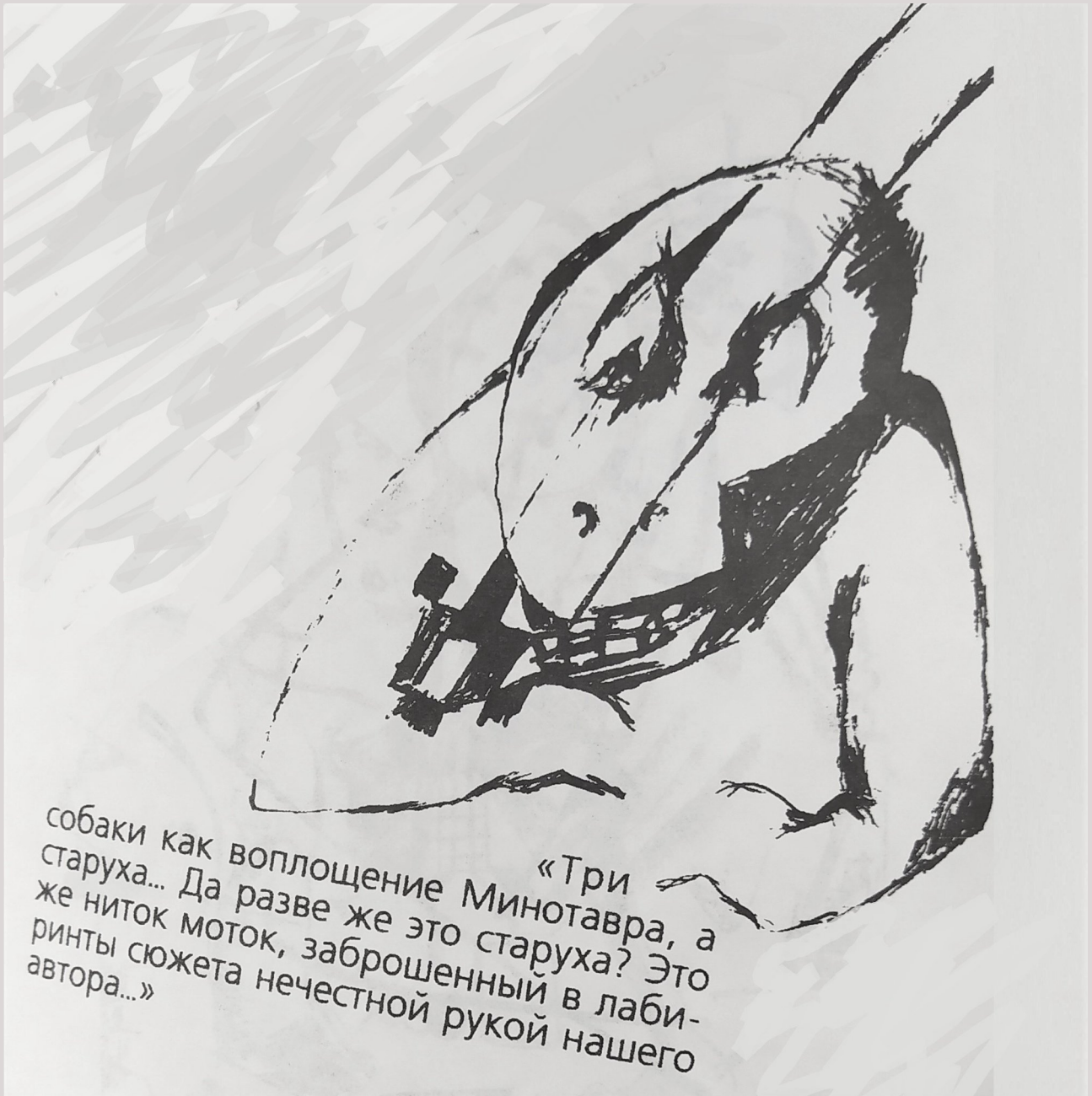
*

– А и пропадай, хрен безмозглый! – рассердилась она. – Вот я тебе пятку-то лезвием расковыряю, тогда и споешь!

*

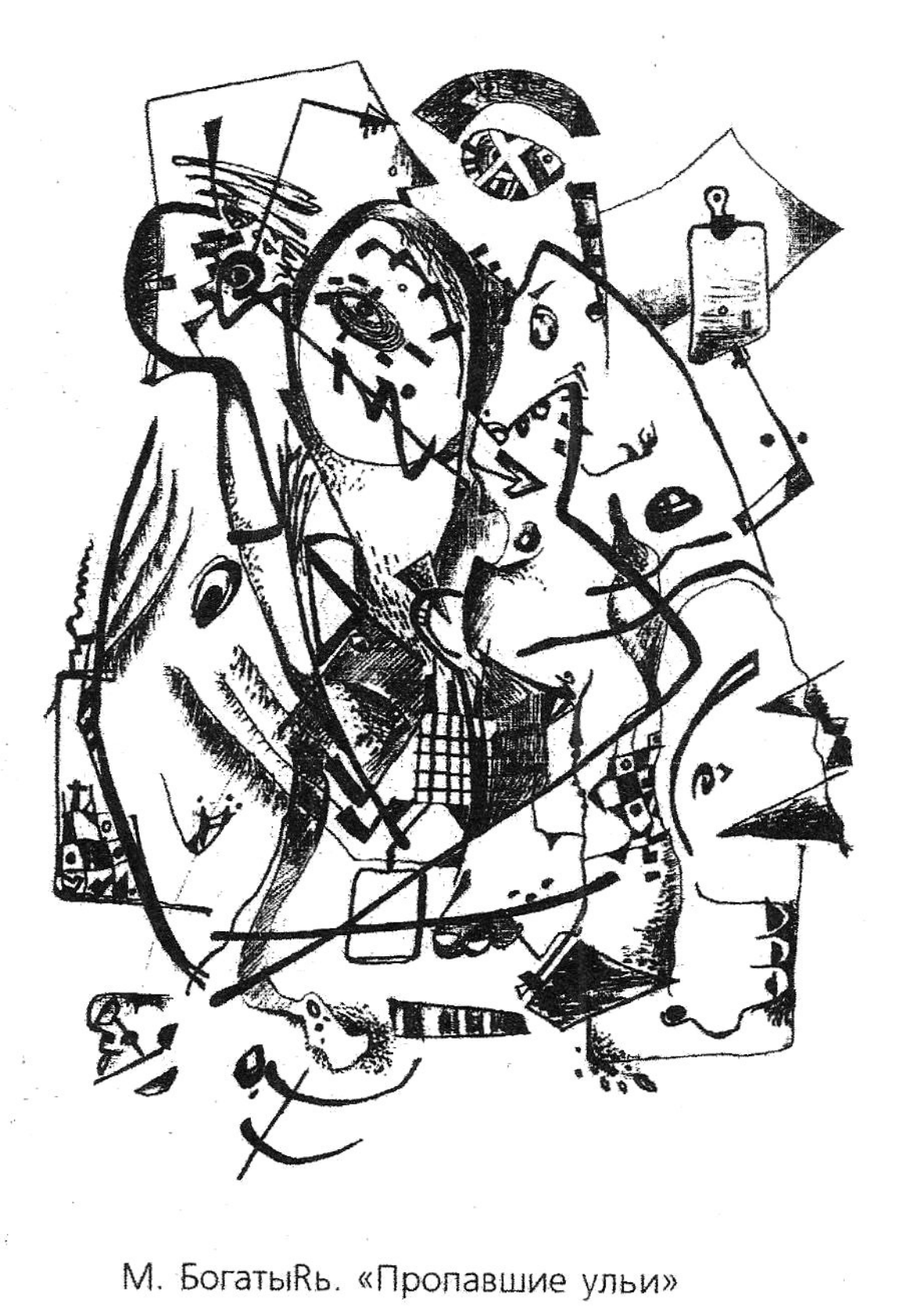
– Не одобряю я Тибора Честны, – сказал милицейский сотрудник. – Нынче эта порнография на каждом углу продаётся, а читать нечего.

Он достал из кармана засаленную брошюру и ткнул пальцем в первое попавшееся место.

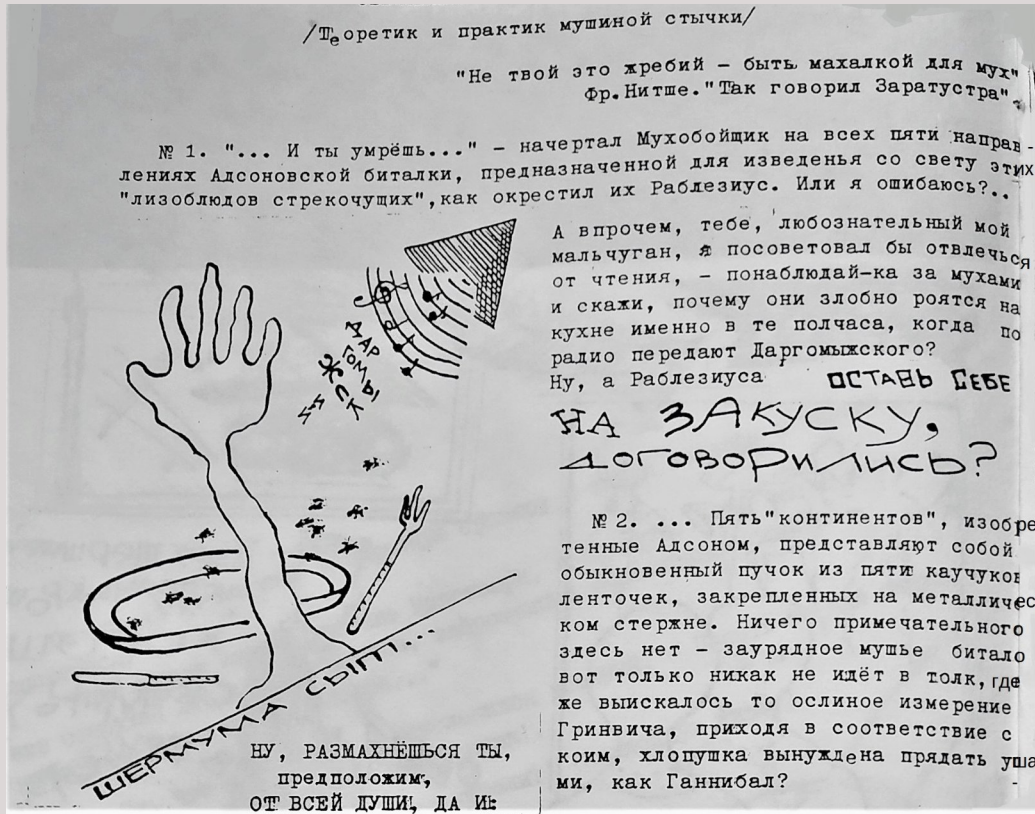
– Ну, что я говорил? – всполошился военный. – Писать-то они умеют, а как до чтения доходит – пиши какюк! И когда это понаписать-то успели?! (Захлопнул книгу).

«Плоско улыбается смерть в сказке Андерсена о лесных нимфах», – сообщает нам Тибор Честны, ковыряя застрявшего в ухе шмеля.

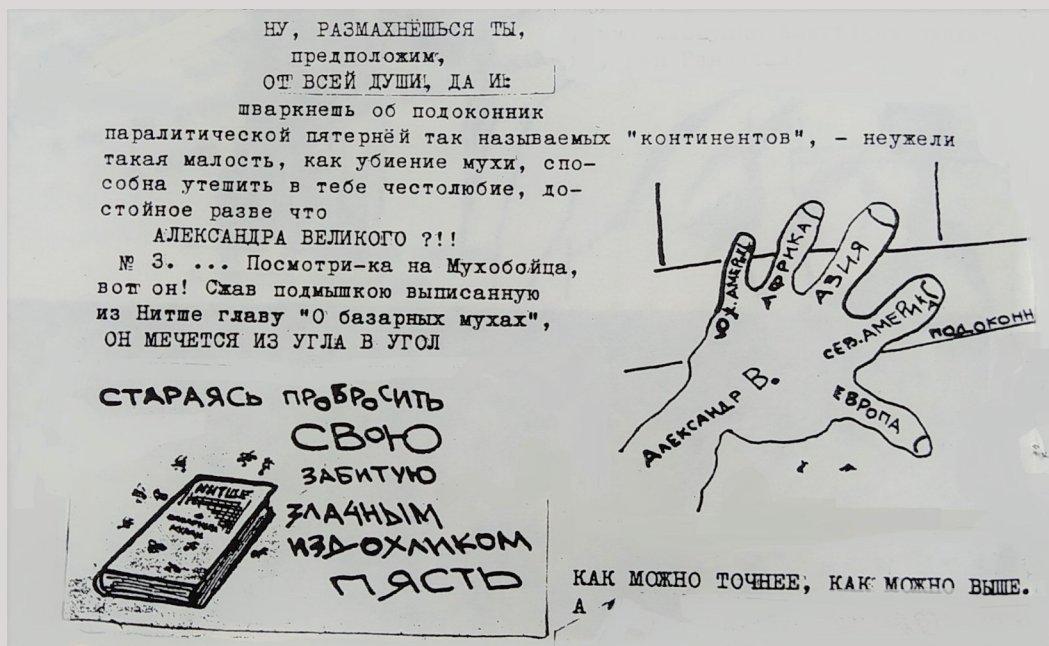

М. Богатырь. «Пропавшие улыбки»

Роберт Мухин Обвинение в плоской смерти (импровизация на темы Ницше и Белого)

§1. «И ты умрешь» – начертал Мухобойщик на всех пяти направлениях Адсоновской биталки, предназначенной для уничтожения «лизоблюдов стрекочущих»...

А сколько сосредоточенной учёности проступает сквозь каждый его промер: тут бы впору пришёл колпак астронома, или уж на худой конец, белая шапочка протезиста, не так ли?

№4. И вот: парикмахерским жестом отрясены со скатерти покрывала, ковёр; "доб" и "взз" – гомонят, сбитые венником в кучу: инкрустанты плоских хлопков, пациенты этого Прокруста расплюснутости... Бой окончен. Окончен.

№ 5. А ночью произойдут кошмары. Прежде пойдут подкошмарья – так будет вернее – а уж за ними – кошмары.

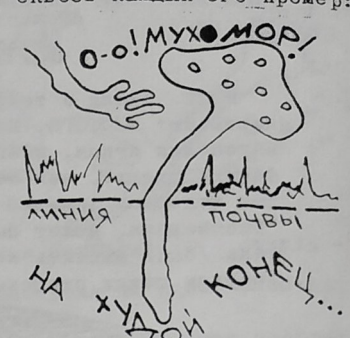
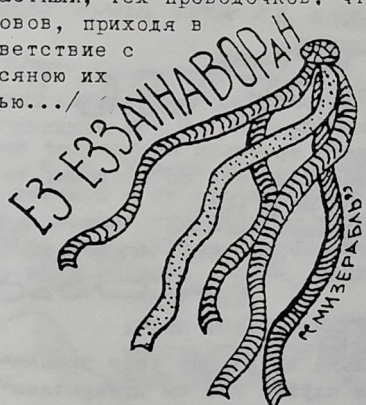
И вот: с потолка, мезозойски усеянного отпластованьями мухи, спляшут вниз ДРОЗОФИЛЛОВЫ НИТИ во множестве, переплетаясь на манер проводков коммутатора.

№ 6. **КАКОЕ МНЕ ДЕЛО?** – взбормочет наш спящий, сворачиваясь на другой бок с видом домохозяйина, раз-навсегда залягшегося препираться с соседом /и не заметит, несчастный, тех проводочков, что ерешатся над поверхностью его кожных покровов, приходя в соответствие с волосяною их частью.../

Сомнамбулический сей "дендрит" соберёт импульсы ущемленья плоти повсюду, где только бы адсоново битало ни учиняло контузию "ез-еззаунаворанам" * стрекальцев
 * что значит в персидском примерно то же что и "мизерабль" по-нашему

№ 7. А пока "коммутатор" бездействует, некий некто /под видом хорезмского крючкотвора/ постучится в окно дребезжащей своею рукой.

№ 8. "О, Мухобойщик! не ты ли забыл на крыльце свою залоговую таблицу?"

§5. И вот: с потолка, мезозойски усеянного отпластованьями мухи, спляшут вниз дрозифилловы нити во множестве, переплетаясь на манер проводков коммутатора.

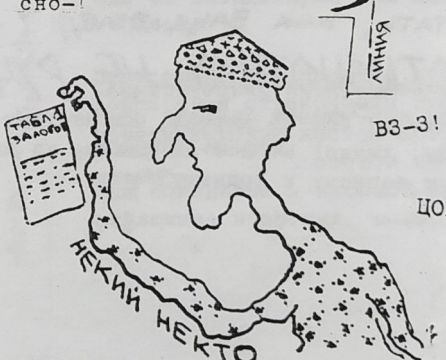
Хозяин мой, Абессалам Кукки, послал меня с сообщением; да будет тебе известно: "Шерму́ма сыт!"

№ 9. – Это значит: "ТЫ САМ УМРЁШЬ", – вдруг подскажет сновидцу зеркало сновиденья.

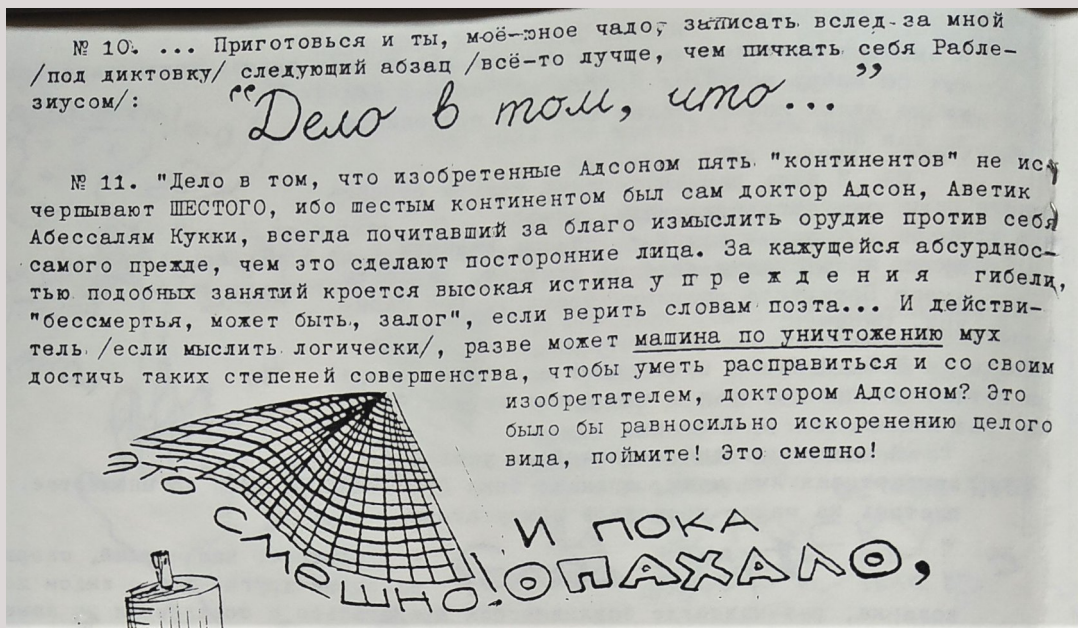
Вот ответ на НАЧЕРТАННОЕ тобою в пяти направлениях битала. ГОТОВЬСЯ! ТЫ САМ БРОСИЛ ВЫЗОВ!

ШЕРМУ́МА СЫТ

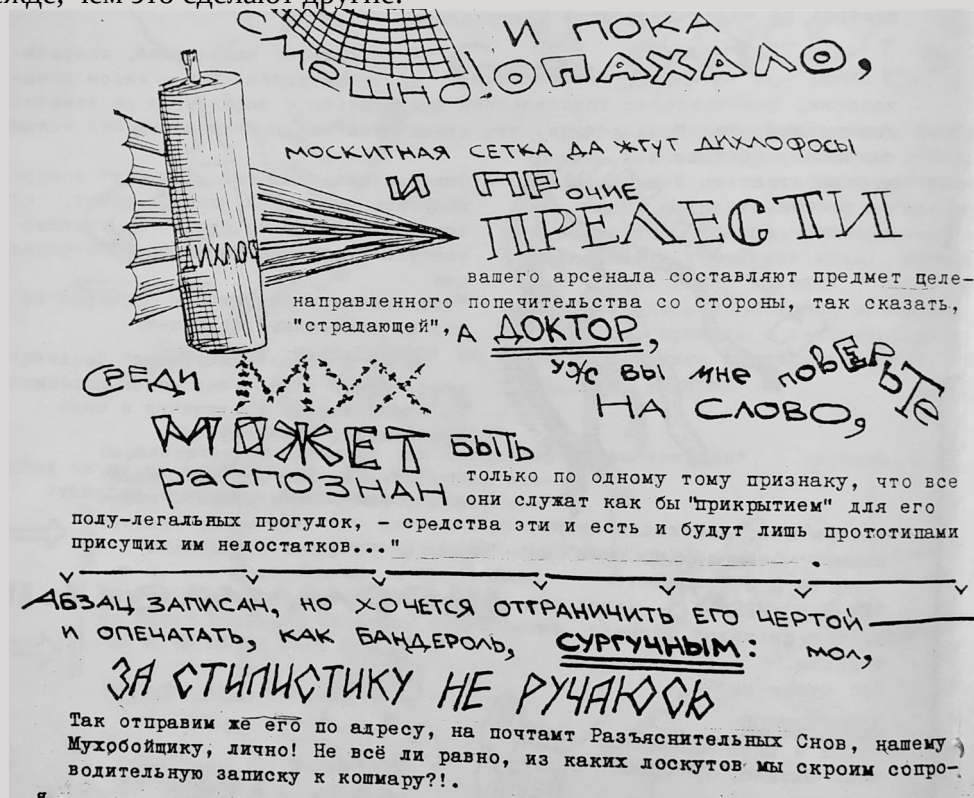
ТАБЛА ЗАЛОЖЬ
 НЕКИЙ НЕКТО
 ВЗ-З!
 ЦОБ!
 ЦОБ! ВЗ-З!
 ВЗ-ЗЗ!

§9. «Шерму́ма сыт!» – это значит: «Ты сам умрёшь!» – вдруг подскажет сновидцу зеркало сновидения.

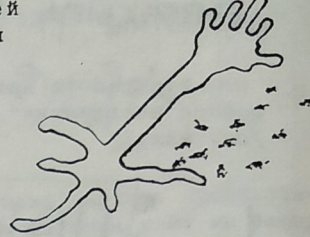

§10. Доктор Адсон, Аветик Абессалям Кукки изобрёл пять «континентов» мушиного битала, а сам был шестым континентом, ибо всегда почитал за благо измыслить орудие против себя самого прежде, чем это сделают другие.

§11. И пока опахало, mosquito net да жгут, dichlorophos and other pests of your arsenal constitute the object of care from the side, so to speak, of the suffering doctor, among flies there may be recognized only thanks to the fact that all of them serve as a cover for his semi-legal strolls.

№ 13. Посмотри-ка на Мухобойца, вот он! Окорачивая днём зудесников "взз"-магистрата, он погрузился в нехорошую задумчивость, навеянную, по всей видимости, рассредоточенной траекторией жертвы: так, расслабленно в воздухе млея, мухи описывали очертанья невидимого континента, совсем как в контурных картах! Доктор Адсон, Абессалям Кукки, укрывшийся липкою дланью от солнца, поглядывал из-подлобья, чертёж промеряя пунктиром распластанных-перепластанных в потолке пограничников зуда...

Откуда такая тяжесть, дружок, откуда такие нелепые сопоставленья берутся? -- оттуда --

№ 14. -- Схватил Мухобойщик стило, и начертал на пяти полосках битала философски-зловещее: "...И ты умрёшь..."
-- Шермума сыт, -- отозвалось зеркально в бессмертной душе изобретателя Кукки. "Ах, арлекин, на кого это ты замахнулся?! Не жди пощады!"

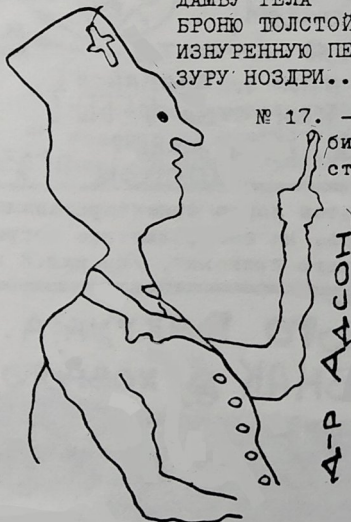
Кошма-ар! Мезозой Облепихиных
то есть МУЗЕЙ
Вобло-лапых на потолке
выпустил сообщения-нити:
из оболочки каждой своей скрижало-зануды!

"А какое мне дело?" -- сказал было спящий, пытаюсь перевернуться на левый бок, да не тут-то было: 0, 0, 0, Кувшинное рыло уснувшего Мухобойщика, ты запуталось в коммутаторе плоских тычков, мохноногость изустных: "шермума сыт..." покорила твои эфирные фибры!!!

§14. Кошмаар! Мезозой облепихиных, то есть, Музей вобло-лапых на потолке выпустил сообщения-нити из оболочки каждой своей скрижало-зануды!

№ 16. Что-то лужгало, скрежетало, кряхтело; СКРЕЖЕТАЛЬ ржавой осью свербила -- от иноплеменника-мухи /как бы "от нашего стола -- вашему столу" у коварных грузин/ всё пространство меж человеческих ушей, эту ХОБУ убойщика, БУЛО обоев, подпертых щекой, УБО ХВОЩ Мухобойца, БОГ В ПОМОЩЬ и МБАЙ-ЯЙ-БОБО -- мама, щиплет! ухабами бойни бомбардировала она:

ДАМБУ ТЕЛА
БРОНЮ ТОЛСТОЙ КОЖИ
ИЗНУРЕННУЮ ПЕРЕПОНКУ УМА, АМБРА --
ЗУРУ НОЗДРИ... и так далее...

№ 17. -- Ничего примечательного здесь нет: заурядное мушье битало, -- сказал доктор Адсон. -- Эти нелепые сопоставленья. Откуда они берутся?

-- Ах, арлекин, на кого это ты замахнулся?
И ещё он воскликнул: "НЕ ЖДИ ПОЩАДЫ!"

№18. Эпизод:

Перегорай, почерневшая пробка, электрический предохранитель на сердце; возгорайся стрекочущим пламенем, жила, чтоб прядало ушами как Ганнибал; парикмахерским жестом встряхнув аорту, ротозей смерти, сверби обернутое губами ничто или: обвинение в плоской смерти сделанное второпях, м-мм, поспешно...

§18. Перегорай, почерневшая пробка -- электрический предохранитель на сердце, Возгорайся стрекочущим пламенем, жила, чтоб прядало ушами как Ганнибал; Парикмахерским жестом встряхнув аорту, ротозей смерти, давай, сверби Обёрнутое губами ничто -- обвинение в плоской смерти, сделанное второпях, м-мм, поспешно...

Богатырь Признаки

(метафорическая проза редактора)

*

Признак I. СИМПТОМ СЪЕДЕННОСТИ

Сидя за столом на веранде в гостях у нашего редактора, читаем книгу Галантера и Прибрама «Языки могоза». Какой каскад фамильярности, не правда ли? Галантно лишь то, что прибрано, а из мозга голосов никто ещё не выметал поганой метлой, да и к чему это?

Переходим в сад.

– Алёшенька, отложи в сторону книгу, я же устриц к столу подала, – беспокоится мама А. И. Кренкеля, бесподобная Ефросинья Прохоровна.

Устрицы в уксусе, под виноградным листом! Великолепное переживание съеденности и великомученичества.

Прохоровна.

– А говяжий язык, мама? Неужели еще не готов? – удивляется Кренкель, заправляясь салфеткой на манер жабо и вилкой указывая вашему покорному слуге место напротив себя. Пожилой Кренкель выносит из погреба запотевшие бутылки с шампанским; стараясь расставить их в случайной последовательности на столе, он смеется. Сам Алексей Иванович, сверяя по Прибраму действие с результатом, несколько раз передвигает с места на место букетики с бузиной. О, эти чудные керамические вазы работы Ренатто Гуттузо! – Изумительно! Великолепно, – шепчем все мы, ведь нам кажется, что букеты всякий раз оказываются на своем месте. – Вам устриц, или, может быть, начнете с крабов? – учтиво осведомляется у меня Ефросинья

Веселье за столом достигает предельных значений, но никто ещё не смеётся, только папаша Кренкель в знак восторга встряхивает бутылку с игристым шампанским, и я, чувствуя себя раскованно и свободно, с воодушевлением дважды киваю, мол, и то, и другое – и крабов, и устриц, – а вилкой произвольно описываю в воздухе полукруг.

- С... салфетку забыли, -
давится смехом Алексей Ивано-
вич.

И тут...

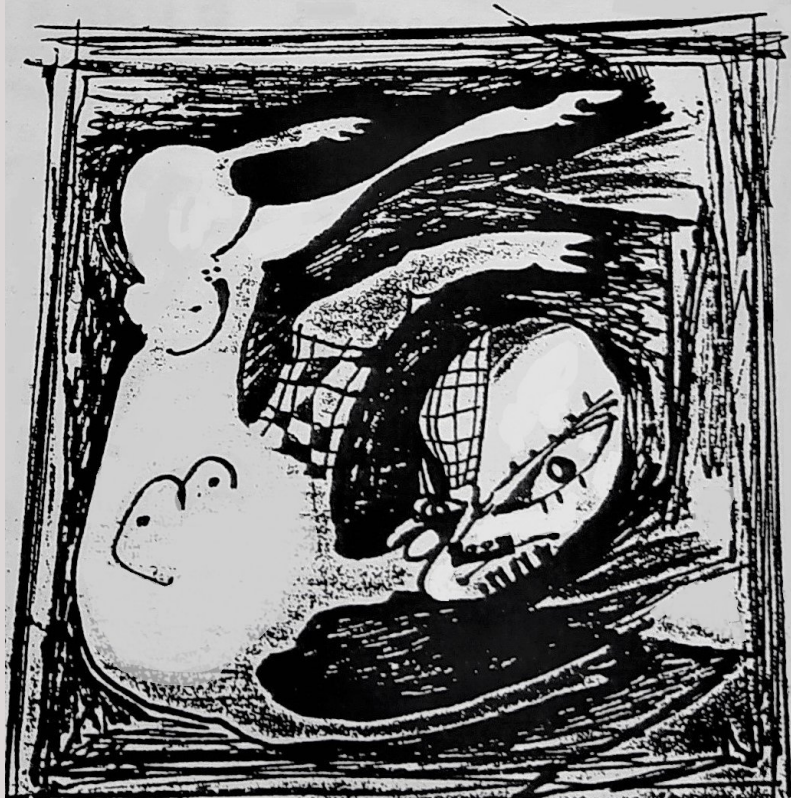
И тут начинается серьёзный
разговор.

"А всё-таки мы очень и очень
непростая семья", - волнуясь,
шелестит Ефросинья Прохоровна.

- Продолжайте, пожалуйста, я
весь - внимание, - успокаиваю
я домохозяйку.

"Вчера, к примеру, Алёшенька
закатал свою дочь, то есть вну-
чку мою, Марину, в бочонок из-
под сельдей, да так закупорил,
что мы до сих пор мучаемся, от-
крыть не можем..."

позиция II: МАРИНА

– А может быть, Вы поспособствуете? – с затаённой надеждой спрашивает меня Алексей Иванович.

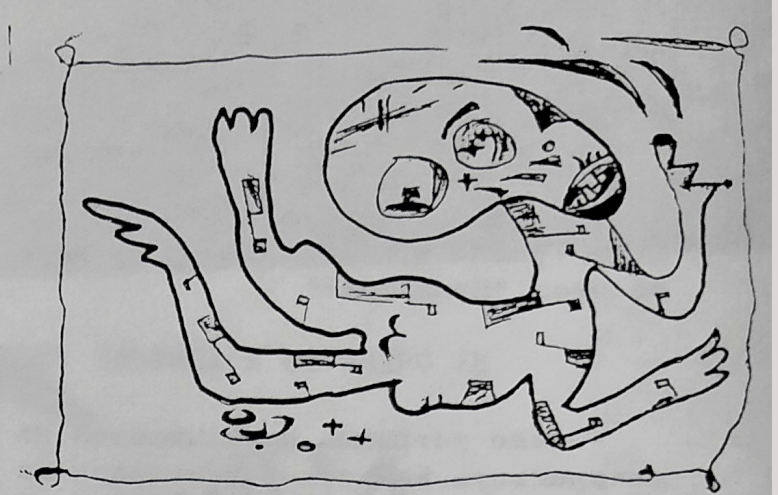
– Пожалуйста! Папа, проводи нашего дорогого эН эН в погреб! – шелестит Ефросинья Прохоровна.

– Помилуйте, а как же устрицы? – удивляюсь я, с некоторым опасением приглядываясь к пожилому Кренкелю. Бог знает, не взбрёт ли ему в голову сделать со мной в погребе *что-нибудь этакое?*

"Нет, нет! Я решительно отказываюсь! По крайней мере, до первой перемены блюд..."

– Да подождут ваши устрицы! Там же дитя страдает, – настаивает на своем А.И.Кренкель. – Отец! А, отец! Оставишь ты в покое свое шампанское или нет?!

"А знаете что? Не будет вам никаких крабов и устриц, – решительно добавляет он, – пока не спасёте мне дочь!"

Тут всё семейство Кренкелей расходится из-за стола в мрачной задумчивости, что бы такое *этакое* со мной предпринять? Оставшись в романтическом одиночестве перед столькими деликатесами, я стараюсь не потерять своё лицо. Шампанское, конечно же, закупорено мастерски, но я с силой выворачиваю фаллообразную пробку...

Незаметно подкравшийся со спины пожилой Кренкель, эта амёба с повадками Песталдоцци, ударяет меня по плечу.

– Мама! Он ведь уже!.. Тово! М-м-м-м... – не находит слов пожилой Кренкель.

— Сейчас они выкатят бочку сельдей, то-то мы запоём, — сообщаю я ему в доверительном тоне.

— Марина заканчивает маринадные курсы, а мы с вами так до сих пор и не научились обращаться с метафорой, — кричит мне из сада неожиданно повеселевший Алексей Иванович, и папа его уже давится смехом, ослабив хватку на моем плече. Со слезами умиления на глазах выносит паштеты из кухни Ефросинья Прохоровна, отмахиваясь от пчёл полотенцем по которому алым питьём разбегается надпись: "Совет да любовь!"

"Алешенька, ты совсем зачитался! — доносится ласковый голос из репродуктора, укрепленного на жердях виноградника, — хотя бы за ужином отложил бы, сынок, книжечку, а?"

— Моё изобретение, — горделиво красуется Ефросинья Прохоровна.

— Девочка хнычет, — потупясь, сообщает мне А.И. Кренкель.

— эН.эН. нам поможет, но после ужина! — воодушевляется старый Кренкель и спешит прижать меня к сердцу как дорогого гостя.

— Раскатать бочку надо немедленно, пока я не раскупорил бутылку вьетнамской водки — устрицам, — не унимается Алексей Иванович. — Немедленно, не то потом будет поздно!

"Даже наделав столько глупостей, нельзя не помнить, что жизнь продолжается, и тут ничего не попишешь, сынок!" — вещает динамик голосом старого Кренкеля-Песталоцци.

— Отец! О случившемся — больше ни слова! — отвечает реальному Кренкелю сын. Ефросинья Прохоровна осторожно, двумя пальцами, вынимает устрицу из натюрморта и подаёт её мне: "Нравится?"

КОМПОЗИЦИЯ У ТЕЛО УСТРИЦЫ...

НЕ ОЧЕНЬ-ТО Я ДОВЕРЯЮ ЭТИМ ВОЛНАМ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

— Тело устрицы наматывается на специальную вилку, — упражняется из динамика мама семейства.

НЕ ОЧЕНЬ-ТО МНЕ НРАВИТСЯ ГОЛОС ЭТОГО ПРОКРУСТА В ЮБКЕ

— Ну, не стесняйтесь, эН.эН., пробуйте, — увешивают Кренкели.

Я попробую рассказать на людях обо всём, что здесь происходит

— Мама, ты слышишь его? — окликает старуху А.И. Кренкель, погружаясь в Галантера и Прибрама.

— Надо позвать остальных детей и закрыть ворота. Дети играют в шахматы, там, в беседке, — отвечает ему мама.

Расторопно подпрыгивая на каждом шагу, старый Кренкель спешит укрыться в кустах, шелестящих на манер лент диафильма.

— Вы здесь душу едите, — твердо говорю я, и в этот момент удар чем-то тупым и твёрдым по темени валит меня с ног. Звук такой, словно злой иностранец, откашлявшись, выдохнул: "рашшн".

— Принесите, пожалуйста, грифель и доску, мама, — орудует голосовое пространство в интонациях А.И. Кренкеля, — сейчас я его оприходуя!

ПРИЗНАК 2. ГАЛАНТЭР И ПРИБРАМ. ДЕЙСТВИЕ С НЕОДУШЕВЛЁННЫМ ИСХОДОМ

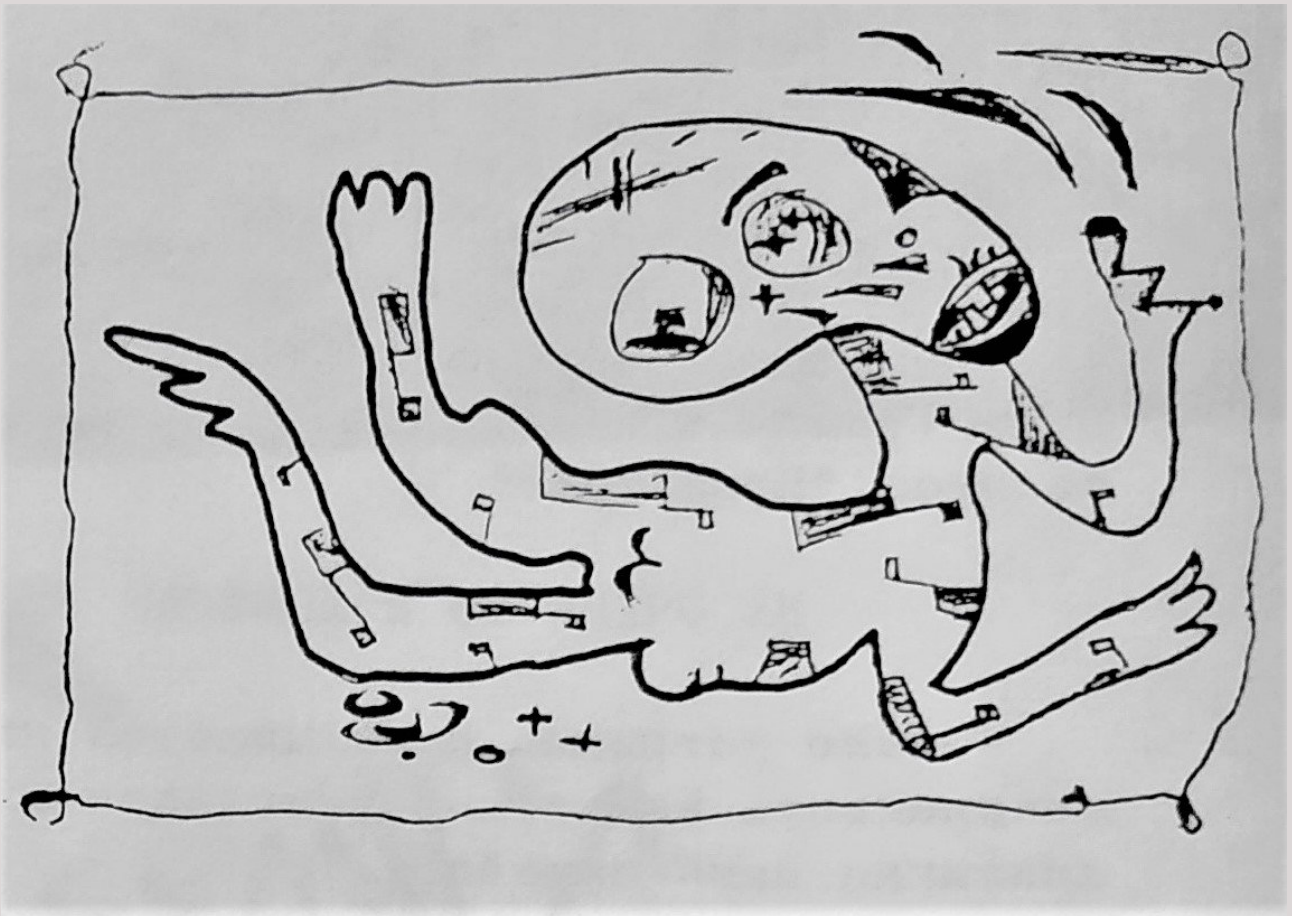

Масло уже подкатывает к горлу. Струи масла набрякли за воротником. Тяжело плещут в щеках. Кренкели "растроганные" сиреневыми - как фокус диафрагмы - штрихами заглядывают в воронку.

- Пошло! Пошло! - радостно верещит сын. Перекатываясь в бочке, я прижимаю к груди скользкие останки человеческого существа.

Рафинированное португальское масло, оно сочится из спиралеобразной трубки, резонируя от злорадных ударов сына по корпусу бочки.

О, ЭТО МАСЛО!

БОГАТЫРЬ : ПРИЗНАКИ

Эта работа называется "Признаки". Хотелось назвать её "Капрично нашего восприятия", но это было бы дурным тоном, равно как и "Капризы" /см. илл.1/

1. ПРИЗНАКИ ПРИЗНАКИ
 КАПРИЗЫ И ПРИТЧИ
 ТО ЕСТЬ, ТО ЕСТЬ, ЕСТЬ-ЕСТЬ-ЕСТЬ-ЕЩЕ-НО, ТО ЕСТЬ ЧТО ЕСТЬ ЧТО-ТО, ЭТО ЕСТЬ ПРИЗНАКИ, ТО ЕСТЬ КАПРИЗЫ

НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ ИСХОДАХ, НАШЕГО ВОСПРИЯТИЯ

потому что слова "капризы" и "признаки" сочетаются в том особом весёлом настрое, какой свойственен лишь патологическому укладу ума. Опять-таки было бы суесловием, если бы в заголовке работы я использовал некий образ фантастического мира /"Призраки"/ или наоборот, попытался бы оттенить смысловые характеристики текста, записав понятие "признак" через дефис: при-знак. /качественный дефис! /см. илл. 2/

2. ЗНАК И КАЧЕСТВО

ЖИЗНЬ — ЭТО КОНЦЕНТРАЦИЯ. СССР

СМЕРТЬ — ЭТО ЕЩЁ БОЛЬШАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ:

И ТО, И ДРУГОЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ ЛИШЬ В СЛУЧАЕ УБЫВАНИЯ КАЧЕСТВ

ТО ЕСТЬ ПРИ-ЗНАК, ПРИ-ПРИ-... ЗНАВАЙСЯ ЕСТЬ ПРИЗНАКИ-ЧЕГО? И КАЧЕСТВА ЧЕГО? ТО-ТО И ТО-ТО, А ЧТО ЕСТЬ-ТО НА САМОМ ДЕЛЕ?

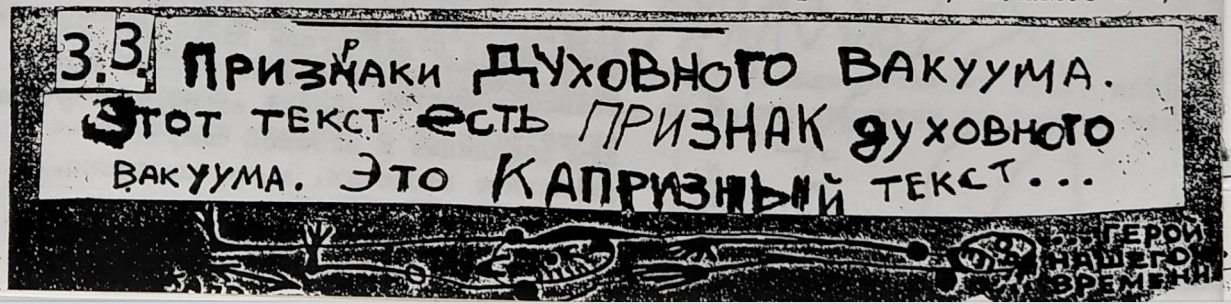
КАПРИЗЫ ПРОЗЫ

Освенцим
 Бухенвальд
 Катынь

СТОИКИ, СЕНЕКА
 М.ЭКХАРТ

В случае с "Призраками" читатель оказывается ложно ориентированным на эмоцию в духе Рембрандта и Калло, то есть, на беспредметное потребление монстра, сильно отдающего "героем нашего времени". /см. илл. 3 и 4/

3.3. ПРИЗНАКИ ДУХОВНОГО ВАКУУМА.
 ЭТОТ ТЕКСТ ЕСТЬ ПРИЗНАК ДУХОВНОГО ВАКУУМА. ЭТО КАПРИЗНЫЙ ТЕКСТ...

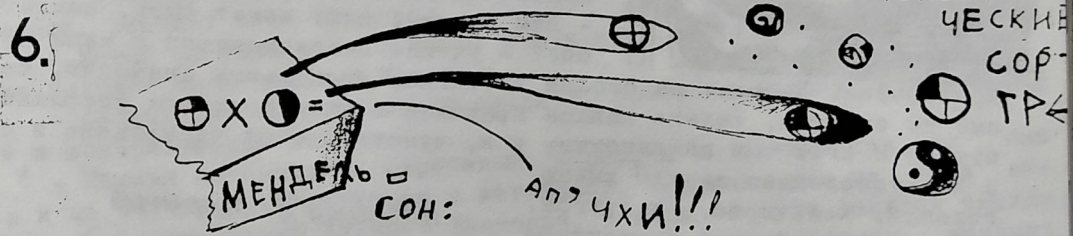
4. ...Равно как и звук вашей внутренней речи...

...и звук вашей внутренней речи, пропадающей
ГЕЙМАК В ГРЕЧУ ЭПИЗОДОВ
КОРЯВОГО КАШЛЯ ЭПИ
ВЕДЬМЫ.

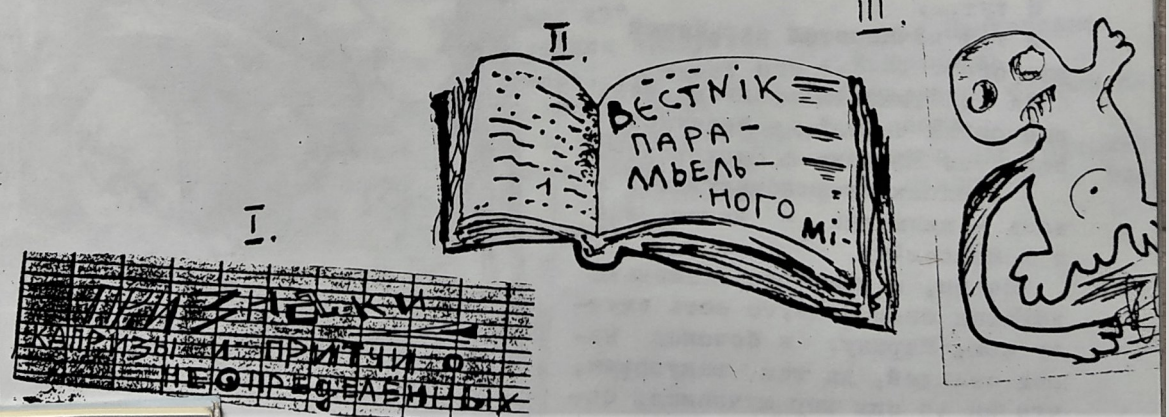
В случае же со смысловым акцентом /"При-знаки"/ опять происходит воплощение "капризов нашего восприятия", от упоминания коих мы заведомо отказались. /см. илл. 5/

5. Почему КАПРИЗНИЧАЕТ ВОСПРИЯТИЕ
КУЛЬТУРЫ В ЯНВАРЕ 199 $\left\{ \begin{array}{l} \text{ЧЕТВЕРТОГО} \\ \text{ПЯТОГО} \\ \dots \text{ДЕВЯТОГО} \end{array} \right\}$ ГОДА?
 ТО ЕСТЬ, ПОЧЕМУ **ПЪЯСНИЧАЮТ**
ПОТОМУ ЧТО ПРИЗРАКИ ВИДИМОГО И СЛЫШИМОГО
БОЛЬШЕ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ "РАЗДРАЖИТЕЛЯМИ".

Само по себе понятие "ПРИЗНАКИ" вовсе не избавлено от дискомфорта будучи употребленным как таковое, оно побуждает к ветвлению цепочки побочных ассоциаций, отталкивающихся от законов Менделя и помологических сортов. /см. илл. 6/

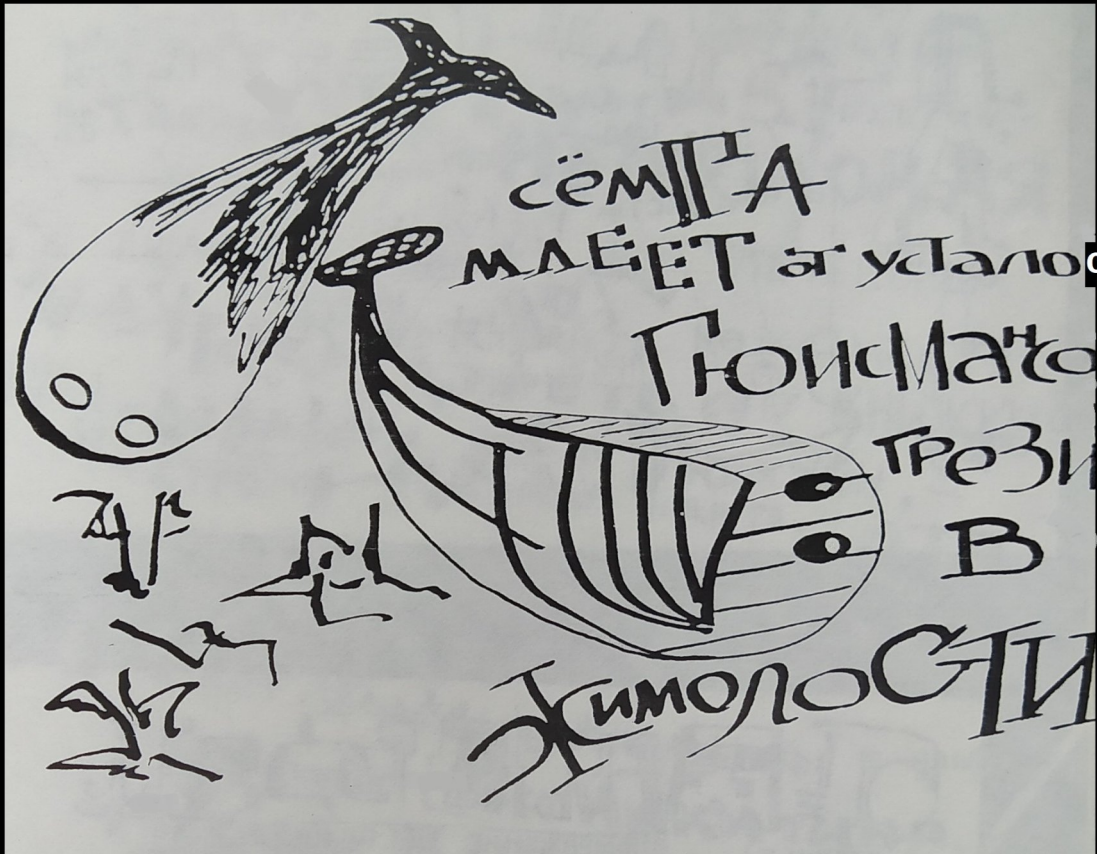
... И всё же, работа вполне обозначена, тем более что редакция "Вестника параллельного мира" любезно согласилась выплатить авторский гонорар за разработку темы с заранее разработанным названием /содержание, по мнению редактора А.И.Кренкеля, имеет второстепенное значение

Митрич
Визуальная поэзия

МИТРИЧ: НЕЗАВИСИМАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

СТИ

М

Т

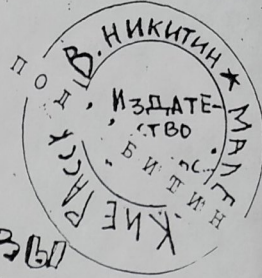
В

ЖИМОЛОСТИ

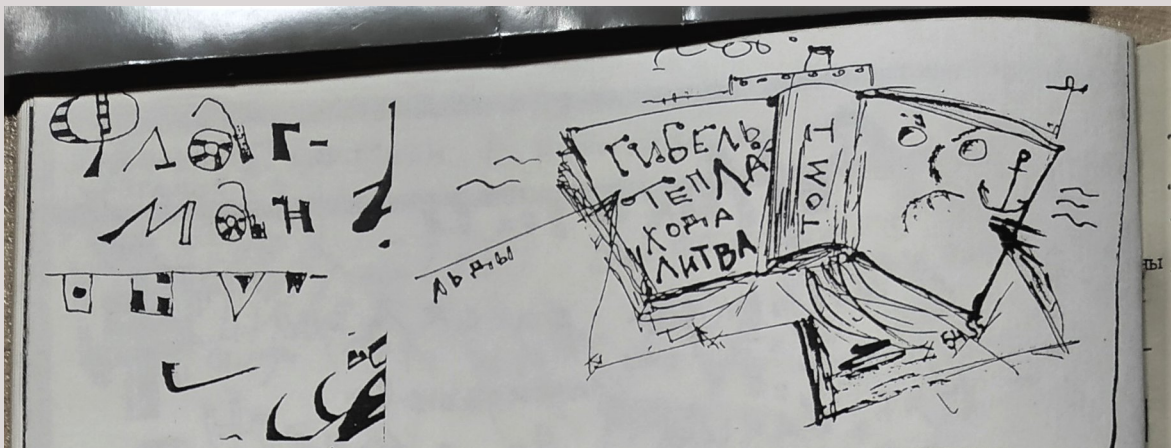
В. Никитин
Маленькие рассказы

В. Никитин.

Маленькие рассказы

- Ах, какие ^(ласковые?) ... маленькие
РАССКАЗЫ написал В. Никитин,
СКАЗАЛА ОДНА **НЕМОЛОДАЯ**
ЖЕНЩИНА на ВЕЧЕРИНКЕ
У ПОДРУГИ, - ДАЙТЕ ПОЖАЛУЙ СТА
ПОСМОТРЕТЬ ЭТУ КНИЖКУ?
- Вы знаете... это - не Никитин,
СТРОГО СКАЗАЛА ПОДРУГА, - **ЭТО**
НИКИТИН - ПОД ^{ПОД} ^{БИТИН}
ИЗДАТЕЛЬСТВА "СЕВЕРНАЯ РОССИЯ"
- А вот Молодые женщины в нашем
^{КРУЖКЕ} ЧИТАЮТ ТОЛЬКО **НИКИТИНА**, -
СКАЗАЛА **ЖЕНЩИНА**, СДЕЛАВ ОСОБЫЙ
УДАР НА СЛОВЕ **МОЛОДЫЕ**.
- Так ведь на то они и **МА-**
ЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ - со
СМЕХОМ. СКАЗАЛА ПОДРУГА. ЧЕРЕЗ МИНУТУ
УЖЕ СМЕЯЛИСЬ **ВДВОЕМ**.
ЗАПИСАНО НА ГЕРБОВОЙ БУМАГЕ. ^{МАРА}
В. Никитиним - под "БИТИНЫ" - ТО ЕСТЬ, ^{ДН}

- Бр-р! Ужасный холод, не правда ли? - говорит крузенштерн тропаря крузенштерну теплохода литва

- а вы откройте себя на 54 странице, что там написано? - доносится с теплохода литва

- *qua melior est mihi mors quam vita*, ибо лучше мне умереть, чем жить так...

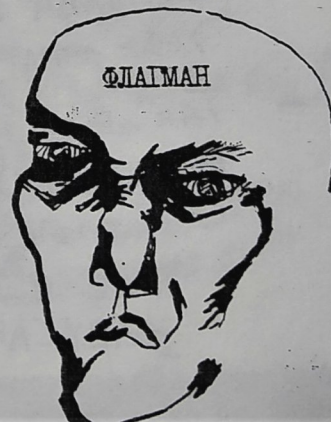
- а вот и неправда! - - кричит крузенштерн теплохода петра, то есть, прошу прощения, теплохода литва - - Некрасивая ложь, ибо с ф л а г м а н а нам передали: у нас всё в порядке

- Нет, правда. Правда... - - твердит крузенштерн тропаря, - - Запросите-ка ф л а г м а н еще раз

" повредили обшивку, - доносится с ф л а г м а н а . - и вода заливает машинное отделение трима. Перехожу на приём. Ф л а г м а н " .

- Эй, полундра, - кричит крузенштерн теплохода литва

Сколько раз умираю я в этих широтах, а всё ещё не привык...

"жуки"

или

А. НИКИТИН "МАГЕНЬКИЕ ДИГЛЫ..."

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

- ВАШЕ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО! - отпарентовал я.
- Какое задание? - не понял майор Жимаёв.
- Как "какое"? Написать для политотдела абстрактную картину, название и **СМЫСЛ** которой были бы непереводимы на иностранный язык.
- Молодец, - сказал мне майор, - это очень важно, особенно здесь, на китайской границе.

Досу́жие надписи В. НИКИТИНА на полях "РАССКАЗОВ"

Строй ОНСТ ϵ ЛЬ СТВО ВСЕ ВОЗМОЖНЫХ

РУК ЧИЙ

Е₂, e₂

В НЕ ИЗВЕСТНОСТИ МЕСТНОСТИ

САМЫЕ НЕВЕРОЯТНЫХ

ОНСТ ТРУК

ИЩУ, ИМЕНУЕМЫХ

ЛЮДИ И КАЧЕСТВ

АРКТИЧЕСКИХ

СЛАЕВ

КРЫЛЯ СЛЕЗ

ЛЯ

ТУ МА

БЛЕЯНЬЕ БЛЕДНЫЙ ВОЗДУХ

ВЫРАЖЕНИЕ БЕСПОКОЙСТВА

РЫКОПАЮЩАЯ МГА А

А

НЕ МИРСКИХ ТРУЩОБ

ЛАБИРИНТЫ

ПАСТУШЬИХ ТРОП

ВЪЯЗВИЯ

Богатырь Я ничего не обещаю

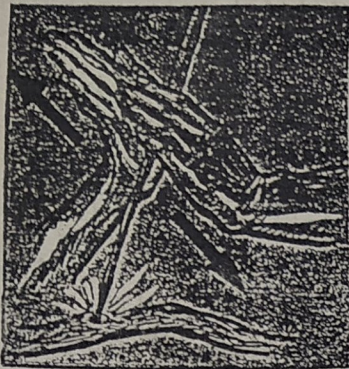
.. УЖЬ ВЫ МНЕ ПОВЕРЬТЕ НА СЛОВО,
(ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ)
•••••

Я ничего ВАМ
НЕ ОБЕЩАЮ...
(из письма)

→ **БОГАТЫРЬ:**

ЭТИМОЛОГИЯ МОРЯ СЛЕЗ
ИЛИ СТЕНАНИЯ В
ТЕЛЕГРАММАХ И ПИСЬМАХ

ЭТИМОЛОГИЯ МОРЯ СЛЕЗ, ИЛИ
СТЕНАНИЯ В ТЕЛЕГРАММАХ И ПИСЬМАХ
(СВЯЗНОПОМОЩАЮЩИЕСЯ СТИХИ)

вот почерк твердого жука
"... я ничего не обещаю..."
вот эти руки, вот рука
ее недетская, большая

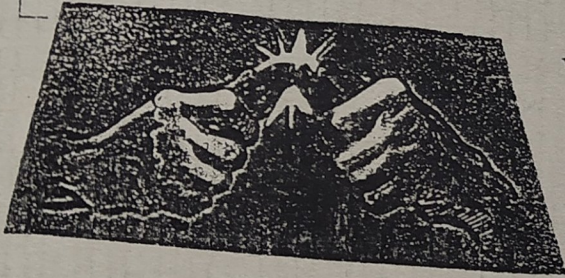
о это будут берега
где волны шествуют на цыпочках
как богомолы, подстрека-
я вас любви подсыпая в чай

вас если это что-то значит
беззвучной лапой щекоца
подстерегает волны плача
за отворотами плаща

сойти с уклочин, схлунуть сердцем
с опрятной лапы стрекозы
в скрепенье лада опереться
и взять на кончике слезы

как вещь, подброшенная женщиной
сустав, трепещущий в душе вещей

иных вещей
"... не обещаю..."
так много...
... можно обещать
и отречься, обольщая
от слова к слову беспощад-

но немому свое
конвертом
прикрыть пытаются
к вам прильнет
заветный голос: "Вы мне верьте"
и ослабевает с темных нот

В рассаде почерка блуждая
с живой паралиной грача
упрек споткнется и растает
в лиловом всплеске сургуча

